

УДК 323. 1
ББК 66. 5

«РУССКИЙ МИР»: ПРАВО НА ИДЕНТИЧНОСТЬ

Махинин Александр Николаевич,
старший преподаватель кафедры общей и
социальной педагогики
Воронежский государственный педагогический
университет (г. Воронеж)

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена «русского мира» в его культурно-пространственных границах в связи с правом на идентичность представителей русского мира.

Ключевые слова: идентичность, русский мир, российский народ, культура.

«THE RUSSIAN WORLD»: RIGHT FOR IDENTITY

Mahinin A.N., Department of the General and
social Pedagogic of VGPU (Voronezh)

Abstract. Article is devoted to the analysis of a phenomenon of «the Russian world» in its cultural and spatial borders in connection with the right for identity of representatives of the Russian world.

Key words: identity, Russian world, Russian people, culture.

Напряженная международная ситуация политического, экономического и военного давления на Россию со стороны США, ЕС и НАТО требует от политического руководства России сделать судьбоносный выбор, определяющий цели, способы и средства развития страны, её союзников вовне и реальную опору внутри, а от всего российского общества – национального, культурного и духовного самоопределения. В этой связи верность признания русского народа государствообразующим, уважение его исторических заслуг и прав может реально сплотить современное российское общество в единую гражданскую нацию. Кратковременные мобилизационные проекты (типа «спортивного патриотизма»), применяемые для решения конкретных ситуаций (в предвыборных технологиях и т.п.), будут неэффективными до тех пор, пока русскому человеку не дадут свободу быть вместе со своим народом, со своей культурой, историей, верой и государственностью.

Только сильные люди вместе с государством способны обеспечить нашей стране расцвет. Это особенно важно, если понимать, что в начале XXI века на глобальном уровне с особой остротой обозначился кризис нравственности с угрожающими последствиями. В основе этого кризиса в значительной мере лежат глубокие изменения в социальной психологии, происходящие на глобальном уровне. Они связаны с тем, что в последние 2-3 десятилетия рыночная парадигма приобрела форму идеологической экспансии.

Однако в сценарии глобального проекта культура оказалась самым непредсказуемым и плохо управляемым игроком: относительная прозрачность государственных и геополитических рубежей в полной мере компенсируется нарастающей плотностью культурных границ, которые к тому же все больше смещаются в ментальное пространство, в пространство идентичности. Именно поэтому идентичность

сегодня оказывается зачастую объяснительным принципом современных мировых процессов.

На встрече по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений 5 февраля 2004 г. В.В. Путин заявил: «Сегодня мы имеем все основания говорить о российском народе как о единой нации. Есть, на мой взгляд, нечто такое, что нас объединяет... Представители самых разных этносов и религий в России ощущают себя действительно единым народом» [17]. Однако до сих пор ни общество, ни элита не нашли идей, которые объединили бы страну в движении вперед.

Российская идентичность есть, и изобретать ее не нужно. Любая попытка подменить российскую идентичность этнической или религиозной – антироссийская и антиисторическая, поскольку направлена на подрыв государства и народов, столетиями живущих вместе, создавших и отстоявших вместе великую страну. Проведенные опросы в отношении самоидентификации россиян в 2013-2014 гг. свидетельствуют о том, что среди характеристик, используемых жителями нашей страны для самоописания, преобладают следующие: граждане РФ – 57%; жители города/села – 35%; люди одного поколения – 16%; люди одной национальности – 16%; жители одного региона/края – 15%; люди одного уровня жизни – 11%; люди одной веры – 10%; люди общей судьбы – 9%; носители определенной культуры – 4%; люди одних политических взглядов – 2% и пр. [16].

Однако здесь возникает терминологическая сложность, неизбежно возникающая при рассуждении о России, касается соотношения слов «русский» и «российский». Мы исходим из того, что эти термины не должны противопоставляться, а должны друг друга дополнять. Один из величайших представителей русского мира и культуры, говоривших на русском языке, во многом его создатель, А.С. Пушкин употреблял слова русский и российский как полные синонимы попеременно. И сегодня абсолютная терминологическая строгость в отношении пары русский-российский недостижима. В разговоре о националстроительстве, государстве, политике предпочтительнее слово «российский», поскольку исторически Россия – многонациональная страна. В разговоре о культуре, языке и традициях предпочтительнее слово «русский» – именно русская культура является системообразующей для всех населяющих Россию народов.

Российская идентичность, идея России, адекватная современному миру, – это ставка на развитие человеческого капитала. В многовековой дискуссии о том, государство ли должно существовать для человека или человек для государства, должна быть

поставлена точка. Российский народ создал самое обширное государство в мире и входит в число десяти крупнейших по численности народов мира. Однако далеко не каждому государству «удается породить такой феномен глобального масштаба, который можно было бы назвать «миром», т.е. транснационального и трансконтинентального сообщества, которое объединено своей причастностью к определенному государству и своей лояльностью к культуре» [12]. В.А. Тишков подчеркивает, что именно русский язык и русскоязычная российская или советская культура вместе с исторической памятью объединяют и конструируют этот мир.

Русский мир также является обозначением цивилизационного, социокультурного и наднационального пространства, охватывающего около трети миллиарда русскоязычных людей или почти каждого двадцатого жителя планеты, которые обладают духовными и ментальными признаками русскости и неравнодушны к судьбе и месту России в мире [1]. Согласно Н.А. Шалимовой, русский драматург А.Н. Островский трактовал «русский мир» как «человеческое сообщество православных христиан, живущих в единстве веры, обрядности и обычаев» [13]. В связи с темой мира как дома вспоминаются бессмертные строки А.С. Пушкина:

Два чувства дивно близки нам,
В них сердце обретает пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Геоэкономическую трактовку «русского мира», как сетевой структуры «больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке», предложил П.Г. Щедровицкий [14]. Он же определил период актуализации этого понятия в середине 1990-х годов, «когда государство уехало от своих граждан».

В настоящее время популярна расширенная трактовка «русского мира» как глобального цивилизационного феномена охватывающего 300 миллионов человек, говорящих по-русски и интересующихся русской культурой, как в России, так и в ближнем и дальнем русском зарубежье. Русская зарубежная диаспора в начале XXI века заняла по численности второе место в мире после китайской [9]. Растёт понимание того, что использование гуманитарного потенциала «русского мира» может помочь в упрочнении этнокультурной самобытности российского суперэтноса и сохранении российского геополитического и культурного пространства

При всех этих интерпретациях принципиально важным является проявление деятельностного инте-

реса к Родине со стороны русских людей, оказавшихся за границей своего Отечества. И тогда становится понятным, что чистой этничностью не вполне возможно объяснить демонстрацию интереса к России и приверженность к ее культурному потенциалу более 25 млн человек, оказавшихся после распада СССР в республиках СНГ, и нескольких миллионов русских в странах дальнего зарубежья.

На уровне государственной политики в Российской Федерации постулировано, что взаимодействие с диаспорой и защита прав соотечественников являются одним из приоритетов государства и что такой подход продиктован самой стратегией дальнейшего развития нашей страны. Такой подход к проблематике российского зарубежья вполне обоснован, ведь синтез культурных начал способен сделать многограннее культуру каждого народа.

Очевидно, что за термином «русский мир» стоит многоаспектный социально-культурный феномен, объединяющий собственно Россию и связанное с ней цивилизационное поле. Российское зарубежье является уникальным объектом, в развитии которого можно наблюдать специфику взаимоотношений между феноменами языка, культуры и этноса. Двойная идентичность, а порой и более сложные модели самоидентификации утверждаются в качестве одной из основных характеристик современного русского зарубежья.

Существует мнение, что впервые понятие «русского мира» предложил президент Императорской Санкт-Петербургской академии наук граф С.С. Уваров [7]. При этом словосочетание «русский мир» – древнего происхождения. Так, «Слово на обновление Десятинной церкви» второй половины XI века прославляет святого Климента Римского: «... который умножил сокровище своего господина не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне, ещё и в русском мире» [10].

В середине XIX века писатель Пантелеймон Кулиш в эпилоге к роману «Чёрная рада», озаглавленном «Об отношении Малороссийской словесности к общерусской», писал о «первобытном русском мире», говорившем на одном языке: «судя по сходству древних обычаев у Великороссов и Малороссиян, надобно думать, что в глубокую старину вся Русь говорила одним и тем же языком, или очень сходными между собою наречиями... Тем не менее, однакож, язык земли Киевской должен был служить образцом для всего первобытного русского Мира» [6].

В новейшей истории понятие «русский мир» было введено в поле активного общественного дискурса в 2007 году [5]. В настоящее время концепцию «русского мира» поддерживает патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Президент В.В. Путин в

конце 2006 года, выступая на встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге, в преддверии Года русского языка в качестве составляющих «русского мира» выделил «русское слово» и «русскую культуру»: «русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за её пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – «русский мир» [11].

С православной точки зрения, «русский мир» является общим «цивилизационным пространством» на пространстве исторической Руси, покоящимся на трёх столпах:

1. Православие.
2. Русская культура и русский язык.
3. Общая историческая память и общие взгляды на общественное развитие.

Таким образом, активизация роли государства в направлении развития контактов с русским миром по всем направлениям и его изучения как уникального феномена дает все основания для уверенности в том, что роль русского мира в истории, культуре, общественно-политической жизни нашей страны и других стран, где проживают россияне и все, кто интересуется Россией, будет неуклонно возрастать.

Рубежным этапом в выведении проблематики русского мира как элемента внешней политики России на качественно новый уровень стало создание указом Президента РФ В.В. Путина от 21 июня 2007 года фонда «Русский мир». В состав учредителей фонда вошли Министерство иностранных дел РФ, Министерство образования и науки РФ, а правление Фонда, являющееся его исполнительным органом, назначается Президентом Российской Федерации. Среди основных задач, стоящих перед фондом «Русский мир»: поддержка общественных, академических, образовательных организаций, занимающихся проблематикой, связанной с русским миром, и финансирование их профильных проектов; поддержка российских и зарубежных центров русистики; формирование благоприятного общественного мнения о России за рубежом; взаимодействие с диаспорами; продвижение экспорта российских образовательных услуг; поддержка ассоциаций выпускников российских вузов; поддержка русскоязычных СМИ за пределами нашей страны и т.д.

Реализация поставленных задач может быть успешной только при четком осознании того, что русский мир – это не просто понятие, характеризующее этнических русских, проживающих за рубежом, но гораздо более широкое понятие, включающее, к примеру, и иностранных граждан, интересующихся русской историей и культурой, знающих или изучающих русский язык; понятие, определяю-

шее целый многоконфессиональный, мультиэтничный пласт, объединенный в той или иной степени причастностью к судьбам России. В своей деятельности фонд исходит из самого широкого понимания русского мира как феномена, который объединяет в себе всех тех, кому интересна Россия. Такая концепция, безусловно, позволяет получить новый инструментарий сотрудничества с остальным миром в целом.

История русского рассеяния связана с множеством сложных процессов идентификации, имеющих различные формы и переживших различные этапы. Безусловно, важнейшим приоритетом при работе с такой глобальной коллективной общностью, как русский мир, является его право на идентичность, равнозначное праву на жизнь, поскольку речь идет о возможности народа воспроизводить себя из поколения в поколение с помощью тех или иных культурных текстов, формул лояльности и сопричастности, повседневных практик. «Таким правом, безусловно, обладает и русский народ», – говорит патриарх Кирилл.

Для понимания проблем идентификации эмигрантов, живущих в инокультурном, иноязычном окружении, приемлемой представляется концепция диалогизма М.М. Бахтина, считавшего, что процесс самоидентификации происходит в оппозиции, диалоге с образом «другого», другой культуры. Диалог культур, идентичностей образов – полифоническое (по терминологии М.М. Бахтина) поле диалога взаимодействующих культур, цивилизаций [2, С.29-30].

Для русских эмигрантов организация своего «жизненного мира» в недрах иной культуры повседневности – всегда потрясение, культурный шок. Неизбежно разворачиваются процессы аккультурации, которые включают как монологические варианты – ассимиляцию (поглощение доминантной культурой) или сепарацию (ее полное отторжение), так и их диалогическую альтернативу – интеграцию, то есть двойную идентификацию: со своей культурой и (в той или иной мере) с культурой принимающей страны. Последняя является наиболее продуктивной.

Действительно, заметным моментом в истории русского мира, как отмечает В.А. Тишков, был «геополитический катаклизм», изменивший русский народ после распада Советского Союза. «Если «титовские» народы бывших советских республик получили отдельную государственность, которую истолковали как свою исключительную собственность и этим достаточно надменно пользуются..., то распропагандированные российским спецназом, что Россия вымирает, люди в ее городах замерзают, а государство россияне построили криминальное... большинство не титульных граждан новых стран стали

лояльными гражданами и жителями, стремящимися получить гражданство новых стран» [12].

Так, эмигранты послереволюционной волны адаптировались на чужбине чаще всего по типу сепарации. Они стремились в своей повседневной жизни сформировать анклавные зарубежной России с единым языком, культурой, бытовыми привычками и формами жизнеустройства. Основой их самосознания была идентификация с многовековой русской культурой, ее неуничтожимыми ценностями. Писатель Б. Зайцев отмечал: «Чем далее идет время, тем сильнее чувствуем мы здесь свое одиночество. Все более уходим душою с чужой земли, возвращаясь к вечному и духовному в России» [8].

Для эмиграции послевоенной и советской волн в силу различных обстоятельств приемлемой была добровольная культурная ассимиляция в стране проживания, стремление освоиться в господствующей культуре повседневности, по возможности не выделяться из нее. Но так ли просто обстояли дела с внутренней самоидентификацией?

Особенно сложны и противоречивы процессы идентификации эмигрантов третьей волны. Некоторые исследователи отмечают характерную для них потребность в «самооправдании» через демонстративное игнорирование России и изменений в ней. В отличие от эмигрантов первой волны, они хотят «стряхнуть» с себя все, что напоминает о России – язык, традиции, образ жизни [15, С. 170].

В результате мы получаем фрагментацию идентичности на индивидуальном уровне (когда люди начинают подсчитывать «проценты крови» той или иной национальности в своем организме) и отрицание единства русского народа на уровне коллективном (об этом тоже упоминает в своем выступлении патриарх: «Сегодня, к сожалению, можно слышать заявления о том, что русский народ неоднороден, что его единство является фикцией»). Но в такой ситуации Декларация русской идентичности должна быть не описательной, а коррекционной. Ее задача не зафиксировать заблуждения соотечественников, а содействовать их исправлению. В этом смысле акцент на культурно-лингвистический критерий «русскости» в декларации мог бы быть более определенным. Его продвижение будет усиливать «гравитацию русской идентичности» (и чисто статистически увеличивать количество русских в России).

Наряду с биологизацией, русская идентичность подверглась в советское время еще одной неприятной операции – ее окружили фальшивым лубочным ореолом. Большинство развитых европейских наций являются продуктом «демократизации» высокой культуры, преимущественно аристократической по своему духу и генезису. Русские не исключение: в

ходе XIX века культурные образцы, созданные аристократией, стали основой самосознания широких городских слоев. Однако впоследствии русская идентичность подверглась вторичной фольклоризации («рустикализации»), во многом для того, чтобы не слишком выделяться в ряду других «социалистических наций», не создавших собственной высокой городской культуры. Городская и аристократическая культура русских сохранялась в обороте, но полностью лишалась своего национального статуса. Общепринятым символическим выражением «русскости» стал набивший оскомину «матрешечно-балалаечный» ассоциативный ряд.

Весной 2014 г. ситуация изменилась. Понятия «соотечественники» и «русский мир» фактически слились в националистической риторике о возрождении России и ее реванше на постсоветском пространстве. Наиболее радикальные требования националистической оппозиции умеренному курсу на укрепление связей с соотечественниками и развитие русского мира в течение длительного времени базировались на концепции «разделенности русского народа» и его праве на воссоединение. Наибольший вклад в развитие этой идеи внесли Наталья Нарочницкая, Ксения Мяло, Виктор Аксютин, Александр Севастьянов. В риторике весны 2014 г. из всех концепций наиболее активно задействованным оказалось понятие русского мира, удобно созвучное понятиям «исконно русская земля» (Крым), «русский город» (Севастополь), «русская воинская слава» (Черноморский флот).

События весны 2014 г. фундаментальным образом изменили процесс конструирования российской идентичности. Продемонстрирована верность теоретического заключения, сделанного американским исследователем проблем национализма Ильей Призелем: «Обычно изменение национальных идентичностей – постепенный процесс. Однако в стрессовой ситуации даже устоявшиеся национальные идентичности способны меняться весьма значительно, а коллективная память народа может быть переформатирована очень быстро» [5].

Необходимы специальные усилия в сфере культурной политики и политики памяти, чтобы вернуть русскому миру русскую идентичность к ее аутентичному цивилизационному облику. Достойным примером такого рода усилий стала церемония открытия сочинской Олимпиады, где образ страны был раскрыт через образы русской культуры, с которой возникает желание идентифицироваться.

Реализация стратегии по укреплению российской идентичности как безусловный приоритет необходим именно в контексте развития человеческого капитала. Она должна базироваться на поддерж-

ке успеха и людей, этот успех приносящих, социализации граждан, построении правового государства, использовании социального инжиниринга через культуру, образование, СМИ и как квинтэссенции национального характера. А.И. Вдовин и В.А. Корецкий полагают, что «российская идея не противоречит и не предполагает угрозы русской идее, а российская нация – русскому и другим народам России... Русская идея сегодня – это не только осознание русскими людьми своей идентичности и общего пути, но также обязанность строить гуманное и справедливое общество. Аналогичная идея есть (должна быть) у каждого из российских народов» [3]. Авторы подчеркивают, что в отличие от национальных интересов (того, что каждый народ желает для себя) национальная идея представляет более универсальную систему ценностей. Это то, что полагается существенным и важным не только для своего народа, но и для всех. Интеграционной русская идея может стать, если будет приемлемой для всех российских народов и представителей русского мира. Ее смысл – в осознании необходимости отыскания способов совместного преодоления кризисов, выживания, взаимообогащения, достойного сосуществования в единой государственной общности. Иначе говоря, российская идея есть осознание российской идентичности во имя благополучия и процветания российской нации как согражданства» [3].

Именно поэтому российская идентичность носит прецедентный характер. В зависимости от конкретно-исторической ситуации может произойти актуализация любого из идентификационных оснований или же возникнуть их симультанная комбинация (актуализация нескольких разноуровневых оснований идентичности). Такие вариации во многом зависят от того, каков характер опасности (неважно – реальной или мнимой), угрожающей целостности «единицы выживания». Именно поэтому российская идентичность может проявляться (и проявляется) в самых разных актуальных формах.

При этом следует отметить исключительную роль Русской Церкви в консолидации русского мира на всех его этапах. На протяжении почти десятилетия русские православные были оторваны от Родины, их духовное возвращение происходило через зарубежную церковь, которая в начале XXI века имела около 350 приходов в десятках стран мира. Самые крупные средоточия русских православных людей за границей сейчас находятся в США (150 тысяч), странах Южной Америки (100 тысяч), странах Европы (100 тысяч) и Австралии (50 тысяч) [12]. В этих странах и регионах сохраняются многие святыни русского зарубежья и имеет место богатая культурная и духовная жизнь, а в последние 15 лет

расширились многообразные связи с исторической Родиной и РПЦ Московского патриархата. Наконец, 17 мая 2007 г. произошло замечательное историческое событие – подписание акта о каноническом согласии двух церквей. Патриарх Алексей II и епископ Лавр подписали в Храме Христа спасителя объединительный документ и отслужили совместную службу. Объединение двух русских церквей позволит укрепить национальную идентичность русских, находящихся за пределами России.

Однако реализация всех вышеперечисленных задач будет возможна только в условиях понимания русского мира как явления, касающегося не только этнических русских, но и всех, кто интересуется русской культурой, историей, языком. Только такое мультиэтничное и многоаспектное понимание русского мира, определяющее его как многоконфессиональный, мультиэтничный пласт, объединенный в той или иной степени вниманием к прошлому, настоящему и будущему России, будет способствовать укреплению международного имиджа нашей страны и распространению ее культуры в глобальном контексте.

Примечания:

1. Батанова, О.Н. Русский мир и проблемы его формирования: диссертация ... канд. полит. наук: 23.00.04 / Батанова Ольга Николаевна; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М., 2009. – 163 с.
2. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
3. Вдовин, А.И., Корецкий, В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России / А.И. Вдовин, В.А. Корецкий / Российское государство и общество, XX век. – М.: Номос, 1999. – С. 360–361.
4. Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на торжественном открытии III Ассамблеи Русского мира. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/928446.html>
5. Завелёв, И.А. Границы русского мира. Трансформация национальной идентичности и новая внешнеполитическая доктрина России / И.А. Завелёв / Россия в глобальной политике. Фонд исследований. – Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/number/Granitsy-russkogo-mira-16582>.
6. Кулиш, П. Об отношении Малороссийской словесности к общерусской / П. Кулиш. – Режим доступа: <http://www.moluch.ru/conf/phil/archive/137/7437>.
7. Можегов, В. О русской идее, триаде графа Уварова и универсальности христианства / В. Можегов. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/publications/print1593.htm>.
8. Мосейко, А.Н. Русский мир: диалог культур и проблемы идентификации / А.Н. Мосейко. – Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2011_Sbornik/Tom_1/002_Sekcia_2/043_MoselkoAN.pdf.
9. Пивовар, Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве / Е.И. Пивовар. – Режим доступа: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/000_Plenarnoe_zasedanie/056_E.I.Pivovar.pdf.
10. «Слово на обновление Десятиной церкви» [предисловие и подготовка текста С.В. Перевезенцева; перевод с древнерусского языка Ю.А. Бегунова]. – Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35613.php>.
11. Сычёва, Л. Русский язык, русская культура, русский мир / Л. Сычёва // РФ сегодня. – 2007. – № 4.
12. Тишков, В.А. Русский мир: смыслы и стратегии / В.А. Тишков // Стратегия России. – 2007. – № 7.
13. Христианская цивилизация: система основных ценностей. Мировой опыт и российская ситуация / Сост. В.В. Симонов. – М.: Научный эксперимент, 2007. – 124 с.
14. Щедровицкий, П.Г. Русский мир. Возможные цели самоопределения / П.Г. Щедровицкий. – Режим доступа: http://www.archipelag.ru/authors/shedrovicky_petr/?library=2015.
15. Эмиграция и репатриация в России / В.А. Ионцев, Н.М. Лебедева, М.В. Назаров, А.В. О कोरोков. – М.: Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. – 490 с.
16. http://www.cnsr.ru/upload/NFR_Dubna-2014.
17. <http://www.kremlin.ru/transcripts/22349>.

